

Семенюк Антон Павлович,
канд. ист. наук, доцент
кафедры культурологии и
социальной коммуникации
ТПУ.
E-mail: MarcelP@yandex.ru
Область научных интересов:
история философии,
культурология,
религиоведение.

УДК 1(091) (4/9)

ЮНОШЕСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ В.В. РОЗАНОВА

А.П. Семенюк

Томский политехнический университет
E-mail: MarcelP@yandex.ru

Проводится реконструкция юношеского мировоззрения Розанова, которое, с точки зрения автора, имеет важное значение для изучения розановского наследия в целом. Автор выявляет те юношеские представления и мотивы, которые сформировали и определили феномен розановской мысли как экзистенциальное и концептуальное целое.

Ключевые слова:

Русская религиозная философия, нигилизм, понимание.

Ранний период розановского творчества состоит из двух этапов – гимназического (13–22 года) и университетского (22–25 лет), завершившегося написанием труда «О понимании», в котором весь интеллектуальный опыт юного Розанова претворяется в целостный философский текст.

Трактат «О понимании» [1] является основным, но не единственным текстом раннего периода розановской философии. Сюда можно также отнести рукопись статьи «Исследование идеи счастья как верховного начала человеческой жизни», вошедшей в качестве составной части в небольшую работу «Цель человеческой жизни» (1892), к которой мы также будем обращаться в этой статье [2].

Юношеская система взглядов имеет важное значение для изучения розановского наследия в целом. Можно говорить о том, что все наиболее глубокие и основополагающие черты розановского духовно-интеллектуального космоса уже полностью сложились в пору ученическо-студенческих раздумий и увлечений; уже в молодости Розанов состоялся как оригинальный мыслитель. Более того, можно утверждать, что и в дальнейшем за внешней бессистемностью и фрагментарностью зрелых общеизвестных работ Розанова всегда будет неявно присутствовать некое концептуальное единство, экзистенциальное ядро, корнями восходящее к раннему учению философа. О значимости и важности первой книги говорят, прежде всего, собственные высказывания Розанова. Так, например, в «Мимолётном» он пишет: «...нельзя в Розанове ничего понять, не проштудировав (с 1/2 года) "О понимании"» [3. С. 117]. В другом тексте философ вспоминает: «Всё время с 1-го курса университета я "думал", solo – "думал": кончив курс, сел сейчас же за книгу «О понимании» (700 страниц) и написал её в 4 года совершенно легко, ничего подготовительного не читавши и ни с кем о теме её не говоривши. Я думаю, что такого "расцвета ума", как во время писания этой книги, у меня уже никогда не повторялось. Сплошное рассуждение на 40 печатных листов – летящее, лёгкое, воздушное, счастливое для меня, сам сознаю – умное: это, я думаю, вообще не часто в России. Встретить книга какой-нибудь <привет> я бы на всю жизнь остался «философом». Но книга – ничего не вызвала (она однако написана легко). Тогда я перешел к критике, публицистике: но всё это было "не то". Т. е. это не настоящее моё: и когда я в философии никогда не позволил бы себе "дурачиться", "шалить", в других областях это делаю» [4. С. 40].

В «О понимании» Розанов образно уподобляет своё творчество разветвлённому древу познания, берущему начало в едином семени. Таким семенем – первоисточком розановской мысли – выступает, как он сам свидетельствует, отнюдь не Кострома – место рождения, природная родина философа, а родина духовная – Симбирск и, вслед за этим, Нижний Новгород – города, где он обучается в гимназии. Здесь он получает тот культурно-

индивидуальный опыт, который задаёт смысловой контекст, идеосферу розановской философии не только на начальном этапе, но и в период зрелых сочинений. «С "ничего" я пришёл в Симбирск: и читатель не поверит, и ему невозможно поверить, но сам-то я про себя твёрдо знаю, что вышел из него со "всеми" в смысле настроений, углов зрения, точек отправления, с зачатками всяческих, всех категорий знаний. Невероятно, но так было» [5. С. 168]. Как видно из цитаты, уже в юности обозначаются основные константы личности и творчества Розанова, которые останутся неизменными на протяжении всей последующей его жизни. Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы определить и охарактеризовать эти культурные и личностные константы, структурирующие цельное умозрение Розанова.

Прежде всего, следует отметить, что все изначальные, наиболее укоренённые детерминации розановского мышления возникли под влиянием шестидесятничества, по отношению к которому он был младшим современником: его ученические годы выпали на 1870-е гг., принявшие в сфере духовной жизни эстафету от 1860-х и унаследовавшие многое от предшествующего десятилетия. Вместе с тем Розанова нельзя считать типичным представителем поколения шестидесятников; безусловно, он выходит за рамки этой формации. Его мировоззренческие установки и ценностные ориентации ещё не однократно будут меняться, однако какие бы трансформации не претерпевали его взгляды, именно ранний опыт (идеосфера шестидесятых) будет имплицитно определять горизонт того, что именно и каким способом он выделял и осмысливал в мире. Таких детерминант мы можем выделить несколько.

В качестве первой из числа этих коренных особенностей необходимо указать дилетантизм. Обучаясь в гимназии и затем в университете, Розанов так и не получил систематического образования в прямом смысле этого слова: на уроках и на профессорских лекциях (за некоторыми исключениями) он был рассеян и невнимателен. По примеру Д.И. Писарева, Розанов полагал, что настоящее образование возможно только через самообразование, и фактически (а не формально) оставался самоучкой. Отсутствие академической выучки (компенсируемое, однако, необыкновенной пронизательностью интуиции), для Розанова означало отнюдь не ущербность, но несомненное достоинство, и, более того, важнейший признак подлинно философского отношения к миру. Эти убеждения переросли у него в культивацию философского любительства, противопоставляемого конъюнктурности, бесплодности, скуке официальной университетской науки. «О чём они думают, эти люди? – возмущался Розанов в одной частной беседе о русской профессуре. — Сидит иной на кафедре двадцать пять лет, дерево – деревом, и повторяет то, что запомнил из немецких учебников. А нет того, чтобы взять перо в руки и написать что-нибудь своё, своё» [6. С. 17]. Профессиональную философию, по Розанову, олицетворял позитивизм, который становится, в его понятиях, синонимом научной пошлости, вырождением философской мысли. «Наука живёт не в университетах и академиях, но во всякой душе, ищущей истины, не понимающей и хотящей понять. Только эта потребность понимания создаёт науку; всё же остальное, что шумно делается – как думают для науки, – делается для удовлетворения человеческого тщеславия, личного и национального, и к науке не имеет отношения: быть может, она погибнет среди забот о ней, превратившись окончательно в учёность; и возродиться, когда исчезнет всё, что сделали эти заботы» [1. С. 124].

Следующей значимой детерминантой, которую мы выделим в юношеском мироощущении Розанова, является нигилизм, – видовая и архетипическая черта поколения 1860-1870-х гг. Нигилизм оставляет глубокий след как в личной судьбе, так и в философии Розанова. Понятие «нигилизм» в лексиконе Розанова употребляется, по крайней мере, в четырёх различных аспектах:

1. Личностная экзистенциальная проблема болезненной отчуждённости от окружающей действительности лично самого Розанова и той книжной культуры разночинской интеллигенции, к которой он принадлежал. Весь запас знаний Розанова-гимназиста, его представления об окружающем мире (о мире человеческом) имели чрезвычайно отвлечённый характер и были почерпнуты не из реального опыта жизни, а из прочитанных книг. Позднее Розанов будет вспоминать: «Я же был "нигилист" во всех отношениях,... Учился я всё время плоховато, запоем читая и скучая гимназией. <...> Кончил я "едва-едва", – атеистом, (в душе) социалистом, и со страшным отвращением, кажется, ко всей действительности. Из всей

действительности любил только книги» [4. С. 138]. В результате пережитого в юном возрасте опыта тотального обесценивания жизни Розанов испытывает глубокий экзистенциальный кризис, который сопровождался и усугубился депрессией, вызванной неудачей семейной жизни – несчастливым браком с А.Г. Сусловой.

2. «Нигилизм» как историко-культурная категория. По Розанову, нигилизм возник на основе наложения просветительского идеала на древнюю платформу православного идеала духовного странничества как идеи ухода от мира, отрицания земных ценностей. Просвещение, как и Православие, призывает человека экзальтированно служить отвлечённым идеям, социальным утопиям, во имя которых отрицается мир. Следовательно, нигилисты XIX в. – это лишь эпизод в многовековой истории русского «странничества» или «скитальчества», с той существенной поправкой, что в православной традиции «странничество» имеет значение духовного подвига, в высшей степени осмысленной формы существования, для Розанова же «скитальчество» – синоним бесцельности, блуждания в неизвестности, потери ориентации человека в мире.

3. Слово «нигилизм» иногда выступает у Розанова синонимом позитивизма, обозначая воззрение, согласно которому в действительности существует только то сущее, которое может быть доступно чувственному восприятию, т. е. собственному опыту и кроме него ничему иному.

4. «Нигилизм» как онтологическая категория. В этом контексте термин «нигилизм» имеет явные антирационалистические коннотации, что сближает позицию Розанова с позициями великих европейских неклассических мыслителей: Ницше и, особенно, Хайдеггера. В трактовке Хайдеггера нигилизм составил суть судьбоносного для европейской культуры процесса «забвения бытия», берущего отсчёт ещё от Платона, противопоставившего мир эйдосов земному миру как истинную реальность реальности иллюзорной, и завершившегося на Ницше с его эпохальным постулатом «Бог умер». В этом смысле Хайдеггер прямо конгениален Розанову, обвиняющему русских интеллигентов-нигилистов в утрате чувства реальности жизни. По Розанову, начало нигилизма связано с появлением христианства, которое привнесло в европейскую культуру дух избыточно сурового аскетизма, презирающего все земные ценности. Квинтэссенцией же нигилистического мировосприятия, с точки зрения Розанова, становится утилитарно-прогрессистская идея счастья, в основу которой было положено представление просветителей о материальном благополучии и комфорте, достигаемых техническим прогрессом. «...Мы разумеем идею, что человеческое существование не включает в себе какого-либо иного смысла, кроме как устройство его собственных судеб на земле. Это не есть догма, наложенная на сознание извне; скорее это есть следствие свободного отвлечения, которое произвела мысль человека, наблюдая мириады единичных целей его и подмечая в них общее, ради чего все они избирались как цели: "Счастье деятельного существа как цель его деятельности" – это есть одновременно высшая абстракция практической жизни, и вместе – отделение этой жизни от каких-либо супранатуральных связей, какие ранее человек имел (или думал, что имел) с миром, в котором он жил» [2].

Ещё гимназистом Розанов знакомится с идеей счастья, прочитав трактаты Дж.С. Милля «Утилитарианизм», И. Бентама «Введение в основания нравственности и законодательства» и Ж.-Ж. Руссо «Общественный договор». Первоначально юный философ восторженно принял эту идею и даже пытался привести в соответствие с ней всю свою жизнедеятельность. Однако по прошествии нескольких лет это очарование сменилась осознанием невозможности выполнения проповедуемых принципов, а далее привело к физическому и духовному измождению. По собственным словам Розанова, «...все нравственные или эстетические инстинкты мои или были подавлены, или полуподавлены, я сам наполовину разрушил себя, всё думая об этой идее» [6. С. 208]. В университете прогрессистская утопия счастья становится предметом критического переосмысления Розанова, реализованного в опыте первой студенческой статьи, о которой уже шла речь ранее. Основная мысль этой статьи сводится к той максиме, что счастье не может быть целью человеческой культуры, поскольку счастье ничто иное, как переживание имманентно присущее самой жизни; человек по мере развития технической цивилизации утрачивает способность ценить жизнь саму по себе, как изначальный дар, и постепенно замещает настоящую жизнь суррогатами выдуманных идей. «И как управляющий кораблём руль было бы ошибочно смешать с пристанью, куда он стремится, как

было бы ошибочно думать, что в повёртывании этого руля и заключается весь смысл плавания, – так ошибочно, и уже с логической точки зрения, видеть в счастье человека и цель, и смысл его жизни», – таков главный вывод Розанова [2].

Именно появление этой статьи можно считать поворотным пунктом розановского мировоззрения, поскольку здесь впервые зазвучал вопрос, который станет лейтмотивом, направляющей идеей розановской мысли на всех последующих витках её развития – вопрос о возвращении к органическому восприятию жизни. Важнейшими и всегда узнаваемыми чертами Розанова будут отныне тяга к органичности, естественности, ощущению полноты бытия и, с другой стороны, неприятие всего искусственного, механического, синтетического. Подобная переоценка ценностей предопределяет последующее сближение Розанова с почвенничеством и со всей традицией славянофильской и неославянофильской мысли от А.С. Хомякова, И.В. Киреевского до их преемников Ф.М. Достоевского, Аполлона Григорьева, Н.Н. Страхова и К.Н. Леонтьева. В рамках почвенничества розановская философия воспринимает элементы органицистского дискурса, так называемой растительной терминологии, в использовании которой он стремился добиться выражения единства философии и жизни.

Мировоззренческий переворот обернулся для Розанова переходом на религиозные позиции, что также имело огромное значение с точки зрения духовного и творческого становления философа. «... С 1-го курса университета я перестал быть безбожником. И не преувеличивая скажу: Бог поселился во мне. С того времени и до этого, каковы бы ни были мои отношения к церкви (изменившиеся совершенно с 1896–1997 гг.) – что бы я ни делал, что бы ни говорил и ни писал, прямо или вособенности косвенно, – я говорил и думал собственно только о Боге: так что Он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем» [4. С. 38].

Религиозность Розанова – очень обширная тема, достаточно полно освящённая в исследовательской литературе, поэтому мы лишь бегло охарактеризуем её специфику в наиболее существенных её моментах. Следует заметить, что розановская религиозность не совпадает полностью ни с православным, ни с христианским в широком смысле мироощущением. В глазах Розанова христианское учение страдает неполнотой, односторонностью, причиной чему служит присущая ему индифферентность к вопросам семьи, брака и половой сферы, что для самого Розанова неприемлемо. С другой стороны, Розанов воспринял элементы Иудаизма, некоторых языческих религий плодородия и деторождения (материнских культов Древнего Египта, Элевсинских мистерий и др.), в которых находил, восполняющую недостатки христианства полноту проявлений жизни. Можно утверждать, что общезначимые религиозные истины принимались Розановым лишь в той степени, в какой они соответствовали опыту его личных субъективных переживаний, связанных с контекстом его собственной духовной эволюции. Эта особенность в полной мере соотносится с принципами изложенными в книге «О понимании». Здесь он различает два способа религиозной жизни – объективный и субъективный типы религии. К первому типу относятся догматические, общепризнанные, ортодоксальные формы вероисповедания, являющиеся скрытой философией или предфилософией. К такого рода универсалистским конфессиям, безусловно, относится и Православие. К религиям второго типа принадлежат индивидуальные вероисповедания, основанные на внутренней потребности отдельного человека. «Всякий человек, почти всякий, есть центр крошечной религии, особенной, таинственной, своей: и только, от того, что вообще люди не несходны, что они сцепляются в массы, – эти крошечные религии сливаются в одну, большую. Нет, собственно, двух людей с абсолютно тождественной религией, "вера" коих походила бы как "а" и "а" в алгебре» [8. С. 110].

Можно с полным основанием утверждать, что богоискательский путь Розанова есть пример именно второй разновидности религиозной жизни – личностной. Но тогда, что же является той внутренней потребностью, которая составила сердцевину, своеобразие индивидуальной религии Розанова (назовём её, пользуясь термином Ю.Н. Иванова-Разумника, «религия жизни»). Надо полагать, что такой предпосылкой, запрограммировавшей религиозную драму Розанова, явилась установка на преодоление нигилизма, проявлявшаяся в качестве перманентно испытываемой необходимости в удостоверении подлинности своего бытия. Об этом свидетельствует наиболее отчётливо определение религии, данное в «О

понимании»: «Религия есть восстановленное отношение между человеком и Творцом его, или как выполненное в религии истинной, или как стремление выполнить в религиях не истинных» [1. С. 484].

Завершая характеристику юношеского мировоззрения Розанова, отметим, что эскапизм молодого философа, о котором уже достаточно было сказано, отразился и на его восприятии университетской науки. Вступая в университет, Розанов надеялся оказаться в атмосфере экзальтированного служения научной истине, далёкой от всего окружающего – всего «наскучившего и не уважаемого». Вопреки ожиданиям, академическая среда также вызывает у него скуку и разочарование, недовольство рутинной и преподаванием частных дисциплин, компетентных только в своих узких предметных областях, предлагающих кучу не связанных между собой знаний. Испытывая неудовлетворённость, Розанов вынашивает план будущей книги «О понимании», которая должна была реализовать идею всеобщей универсальной науки, объединяющей разрозненные отрасли знаний. «Когда я всё это думал в унив. и у меня было много и желчи и сожаления, тогда чтобы доказать, что данная наука не есть наука в действительности (я хотел было написать полемическую брошюрку по выходе из унив.), пришлось обдумать критериум науки вообще, а для этого надо было выработать понятие о науке вообще <...> и это разрослось в книгу» [7. С. 171]. Выполнению столь масштабного замысла и были посвящены, как уже говорилось, первые пять лет жизни молодого философа после окончания университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розанов В.В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: Танаис, 1996. – 808 с.
2. Розанов В.В. Цель человеческой жизни // Электронная библиотека ModernLib.Ru. URL: http://www.modernlib.ru/books/rozanov_vasilij_vasilevich/cel_chelovecheskoy_zhizni/read/ (дата обращения: 27.07.2012).
3. Розанов В.В. Собрание сочинений. Мимолётное. – М.: Республика, 1994. – 541 с.
4. Розанов В.В. Ответы на анкету // Pro et contra. В 2 т. – СПб.: РХГИ, 1995. – Т. 1. – 512 с.
5. Розанов В.В. Собрание сочинений. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. – М.: Республика, 2003. – 448 с.
6. Голлербах Э.В. В. Розанов жизнь и творчество. – Париж: YMCA-PRESS, 1976. – 112 с.
7. Розанов В.В. Литературные изгнанники. – М.: Аграф, 2000. – 368 с.
8. Розанов В.В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. – М.: Республика, 1994. – 476 с.

Поступила 10.08.2012 г.